

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКА (2016—2017)

От автора. Публикация фрагментов моего «Дневника» в прошлогодних майском и декабрьском номерах «Невы» вызвала заинтересованные отклики читателей, и редакция любезно предоставила мне возможность опубликовать еще некоторую часть. Все, что необходимо было пояснить по поводу этого «Дневника», сказано в преамбуле к майской публикации. Здесь повторю только, что записываю не события личной жизни, а отклики на происходящее в стране и в мире (порой напрямую с происходящим и не связанные), на задевшие меня публикации и выступления в СМИ (при этом не упоминаю конкретных названий и фамилий, поскольку для меня важно не это, а некие общие тенденции, что проявляются тут), наконец, просто мысли, к которым пришел вот сейчас. Ну и, конечно, Достоевский не может не напоминать о себе, к какой сфере нашей сегодняшней жизни ни обратишься.

Очень-очень важно: не потерять видения Христа как любящего Отца, не остаться только с образом праведного Судии. И, пожалуй, по-настоящему эта любовь открывается только тогда, когда поймешь, что исполнение *и неисполнение* Им твоих желаний — всегда только тебе во благо.

В России перевод трактата Иоганна Блеу «Введение в космографию», содержащий изложение системы Коперника и изданный в 1645 году в Амстердаме, сделанный иеромонахом Чудова монастыря в Кремле Епифанием Славинецким, вышел в 1655 году. Распространение системы Коперника поддерживалось и царем Алексеем Михайловичем (НГ-Наука от 26 октября 2016 г.). Запрет Католической церкви на труд Коперника и гелиоцентрическую систему мироздания был окончательно снят только в 1835 году.

«В нашем магазине есть все для ремонта вашей мечты». А может, действительно, отремонтировать мечту? Но если серьезно — что они, в школе не учились, что ли?

Карен Ашотович Степанян родился в 1952 году. Доктор филологических наук, вице-президент Российского общества Достоевского, главный редактор альманаха «Достоевский и мировая культура», заведомо критики журнала «Знамя», старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, член Союза писателей Москвы. Автор монографий «Достоевский и язычество (какие пророчества Достоевского мы не услышали и почему?)» (1992), «„Узнать и сказать“: „реализм в высшем смысле“ как творческий метод Ф. М. Достоевского» (2005), «Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского» (2009), «Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени» (2013), «Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского „Преступление и наказание“» (2014), «Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени» (2016), а также более 150 статей по проблемам русской классики, отечественной и зарубежной литературы. Живет в Москве.

Или у них родной язык какой-то другой? «Устроим счастливую жизнь на Ходынке!» И слово «Ходынка» им прежде не попадалось ни разу?

В эфире очень популярной радиостанции, которую слушают миллионы в нашей стране, ведущий одной из рубрик, рассказывая дурацкую легенду о том, что Москва строилась на деньги тамплиеров, говорит, что король Филипп Красивый в числе прочего обвинял тамплиеров «в забвении духовных скреп», а Москва в первой половине XIV века развивалась так быстро, «как будто Аллах подал». А ведь если обвинить его — скажет, что просто пошутил. В обратную сторону шутки не прощаются: сразу пожалуйте за оскорбление.

У Достоевского в «Бесах» некий офицер восклицает: «Если Бога нет, то какой я капитан?» Но можно сказать больше: если Бога нет, то зачем жить человеку?

«Карфаген должен быть разрушен!» Этот призыв Катона Старшего был постоянным у Льва Толстого в последний период его жизни и был вообще очень популярен у русской интеллигенции конца XIX — начала XX века. Да и сейчас. Но если в свое время призыв римского полководца был обращен против главного врага Рима — Карфагена, то у нас это призыв был (и остается) обращенным против своего государства. Как, отчего, какими внутренними и внешними силами было устроено так, что здесь, в России, быть против своего государства означает быть свободомыслящим, неординарным, «креативным», видящим суть вещей и т. п., пользоваться почетом и уважением? (Ни в одной другой стране подобного нет.) Ответ: «Потому что Россия хуже всех остальных стран» — не принимается.

Меняются категории бытия? Если тебя нет в *виртуальном* пространстве — то тебя нет. «Если ты не существуешь в Интернете — тебя нет», — услышал недавно от одной из умнейших коллег.

Любопытно, что на Западе тех, кто пытается осуществить пожелания большей части народа (не пускать десятками тысяч эмигрантов, защитить национальные интересы своих стран, а не идеи глобализации — чего, повторю, люди в массе своей хотят, но боятся высказать, ибо общественное мнение жестко контролируется либералами) — Марин Ле Пен, Трамп, Вилдерс и другие, — именуют фашистами, а тех в Восточной Европе, кто открыто марширует под фашистскими символами и лозунгами, считают, видимо, демократами, ибо ни один из международных демократических институтов не осуждает их.

В «спальных» районах по вечерам на улицах темно, но почти во всех окнах после девяти вечера (как доберутся с работы) горит свет, в центре — на улицах светло, но почти ни одного светящегося окна (живут за границей или на дачах).

Неужели и грандиозная дата — 200-летие со дня рождения Достоевского (2021 год) — будет заболтана и растаскана по частям в борьбе самолюбий и ведомств, потонет в равнодушии, вместо того чтобы стать грандиозным общенациональным праздником торжества его идей, его видения предназначения России, его понимания целей и задач подлинного искусства, его уникального «реализма в высшем смысле»?

Статья Л. В. о Гражданской войне в России и в Испании. По ходу дела экскурс в историю. «Россия Ордынская» «усилиями Александра Невского была превращена в татарский улус». А вот в «Литовской Руси» все было хорошо — там города находились под влиянием магдебургского права и «уважительных к человеку католицизма и протестантства» (это во времена св. Александра, что ли?). Дался им святой благоверный князь! Ни против одного из русских князей не было выдвинуто столько обвинений, сколько против него. Даже не хочу представлять себе, что бы они делали на его месте. Но просто теоретически — хорошо бы таким авторам подумать, что бы они делали, когда с Запада лезут убийцы — знатоки магдебургского права, а с Востока нависает сила, которая, если бы не Русь, легко подмяла бы под себя и всю Европу тогдашнюю. А у тебя — небольшой клочок земли, еще могущей именоваться Русью, который надо во что бы то ни стало защитить для будущего. Кстати о будущем. Сравним будущее Руси св. Александра Невского и «Литовской Руси». А про уважительность к человеку католицизма могли бы рассказать сожженные крестоносцами и инквизиторами люди...

Скорости падения нашего футбола в пропасть может позавидовать иной булыжник. Причин тому находят десятки и сотни, а главных, по-моему, две, внушаемые молодежи вот уже четверть века идеи: человек рождается для комфорта — и чем больше получаешь, тем легче предаешься (*предаешься*) этой мысли, и: патриотизм — понятие из «отстоя», годится для «ватников», а не для просвещенных людей. В газетах — трагические истории про великих футболистов и хоккеистов прошлого, которые громили немцев и испанцев, канадцев и шведов — как они играли с травмами и за гроши, а потом умирали от болезней и неустроенности. Но они делали счастливыми миллионы людей, их имена будут вспоминать и век спустя, а ваши — «у меня коленка побаливает, я лучше в сборную не поеду», «играли хорошо, но опять что-то не получилось» — только рядом со словом «позор» и останутся. Если останутся.

Присуждение британской премии Букера увеличивает число проданных экземпляров романа на 2000 %! Роман некоей Энн Энрайт до присуждения премии: продано 3,5 тысяч экземпляров, после — более 221 тысячи («Вопросы литературы», 2016, № 5)! Нам бы такое доверие к премиям и вообще к чужим «экспертным» оценкам и мнениям. Хотя нет — зачем?

Латышский писатель Имант Аузинь: «К сегодняшнему дню с 1992 года в Латвии по причине невозможности оказать квалифицированную медицинскую помощь умерло больше моих соотечественников, чем в результате сталинских депортаций» (НГ- Exlibris от 3 марта 2016 г.).

На рождественской службе в Казанском соборе в Санкт-Петербурге, вмещающем 7 тысяч человек, была, как пишут, всего лишь тысяча (потом это было использовано в полемике против передачи Исаакиевского собора Церкви). Ну как же так? В войну ведь именно Богородица спасла город и жителей от полного уничтожения. Не помните? Когда Христос исцелил десять прокаженных, а вернулся и поблагодарил лишь один, Господь сказал с грустью: «Не десять ли очистились? где же девять?» (Лк. 17:11—17:17).

Хотите понять разницу между Достоевским и другими замечательными русскими писателями XIX века? Прочитайте главу «Влас» из «Дневника писателя», где сравниваются два Власа — его и Некрасова.

Статья Г. Е. о Чаадаеве в одной из центральных газет. Чаадаев — герой, все остальные вокруг — лжецы или приспособленцы. Про позицию Пушкина сказано вскользь: «У поэта была своя концепция русской истории». Но главное в другом. Вот один полюс — Чаадаев: «Одиноким в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, ничем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей <...> ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды...» И вот другой полюс — граф Бенкендорф: «Прошедшее России удивительно, настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» (обе цитаты приводятся в статье). Сегодня немногие из мыслящих людей согласятся повторить любое из этих высказываний. Но подумаем: сохранение и расцвет России между огромными, постоянно желавшими уничтожить ее силами с Запада и Востока, Севера и Юга действительно вызывает удивление; сколь многие, уверен, хотели бы жить в Золотом веке русской культуры, когда можно было прийти к Достоевскому или Льву Толстому и лично спросить их о смысле бытия и о том, как жить (и сколь многие тогда приходили!), первыми читать новые произведения Пушкина и Гоголя, присутствовать на Пушкинских торжествах (в 1880 году) или на премьере Первого концерта для фортепьяно Чайковского, прийти в Саров к батюшке Серафиму и услышать от него: «Христос воскрес, радость моя!» Что же касается будущего, то если пророчества Достоевского о будущем России верны (а я в этом не сомневаюсь), то оно действительно едва ли подвластно *сегодня* самому смелому воображению.

29 марта 2017 года. Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй подписала письмо-уведомление о выходе Великобритании из ЕС. Начало новой эпохи в истории России и Европы.

Один из признаков гениальности: постоянная готовность услышать и понять позицию, противоречащую собственной, — не для поиска компромисса, а чтобы и *это* учесть на пути к истине.

Читаю «Переделкинский дневник» Юрия Карякина (М.: Книжный клуб 36,6, 2016). Удивительный для нашего времени мыслитель. Впечатление, будто говоришь с человеком Достоевского, а порой и с самим Достоевским. Часто употребляем слово «конгениальность». Но что это применительно к нашей «ведческой» работе? Применительно к пониманию творчества Достоевского, Пушкина, Мусоргского, Бетховена? Не равная одаренность (в литературе, в музыке), конечно. А вот что: общность по интенсивности и направленности устремлений в ту же сторону, что и у них. Вот формулировка Карякина: «Конгениальными ничто не может нас сделать, кроме как совесть» (с. 332). Можно добавить: и равная ответственность перед Богом и людьми и перед самим собой. И еще: предельная честность. После того как Достоевский побывал в Оптиной пустыни, старец Амвросий на вопросы о нем сказал предельно кратко и точно: «Он кающийся». То же можно сказать об авторе «Переделкинского дневника». Нет никаких попыток «заворачиваться в облака величия» (Достоевский о Гоголе времен «Выбранных мест...»). Таким же был, помню, и замечательный Александр Михайлович Панченко.

Конечно, с чем-то соглашаешься с радостью, узнавая *родное* («Если ты не решаешь задачу какого-нибудь Раскольникова, Дон Кихота, Гамлета как абсолютно

свою задачу, ты никогда ничего не поймешь ни в них, ни в самом себе» — с. 353), с чем-то споришь. Но есть и что-то, с чем согласиться сейчас категорически не могу. «Большинство никогда не бывает правым. Всегда право только меньшинство» (с. 144). Это сейчас однозначно работает на тех, кто называет народ наш: «ватники», «совки», «не доросшие до подлинной демократии». Как не заметить здесь параллели с одной из сквозных тем книги, разоблачением большевиков-ленинцев: большевики, партия (party) — малая часть — общества, были обуреваемы «жалкой претензией малюсенькой частички стать всем и навязать свою волю всему» (с. 351—352). Мы знаем ведь, что претензии такие могут осуществиться и — к чему это приводит. У Достоевского есть по этому поводу такие провидческие строки: «„Этого народ не позволит“, — сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. „Так уничтожить народ!“ — отвечал западник спокойно и величаво. И был он не кто-нибудь, а один из представителей нашей интеллигенции. Анекдот этот верен» (ПСС, т. 26, с. 133).

К сожалению, и вот еще: «Какая всемирно-историческая отзывчивость у безграмотного орловского мужика?» (с. 424). А сам Карякин разве не русский мужик? Да какой еще! А его проникновению в творчество Гойи, Микеланджело могут позавидовать и испанцы, и итальянцы. Значит, «всемирно-отзывчивым» делает только грамотность? Думаю, сам Ю. Ф. не согласился бы с этим. Сам же пишет, перефразируя Достоевского: «У нас, у русской интеллигенции, две родины — литература и народ» (с. 478).

И, конечно, совершенно героический подвиг Ирины Зориной, собравшей, прочитавшей, записавшей спонтанные, порой хаотичные скорописи мужа, всегда мыслившего только вперед: успеть, успеть додумать! Сколько мы знаем писательских жен, после смерти мужа быстро отправляющих все архивы на помойку (если, конечно, муж не успел стать «живым классиком»).

Статья А. А. о недавних митингах протеста, в которых участвовала и молодежь. Главная мысль — мы учим молодых не тому, что диктует современность, а они протестуют против этого. Но хорошо бы определить, что такое «современность», что в ней хорошо и что плохо. Или учить надо всему, что входит в понятие «современность»? Даже если все это нравится автору статьи, вряд ли результат получится хорошим. «Надо <...> беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?» — писал полтора века назад Достоевский (ПСС, т. 27, с. 56). Этот призыв не пользуется популярностью ныне.

У Гёте мысль Фауста позволила забраться в его дом пуделю, который затем обратился в Мефистофеля. У Булгакова мысль профессора Преображенского преобразила пса в человека революционного. У Достоевского мысль Ивана Карамазова привела к появлению в его доме черта. При том, что все трое этих великих писателей были и замечательными мыслителями. Каково им было *мыслить*, памятуя о такой опасности, таящейся в этом занятии?